

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХІХ.

1898.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	16
С. Ѳ. Платоновъ. Борьба за московскій престолъ въ 1598 году	263
А. С. Вязигинъ. Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ (продолженіе)	288
П. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка	360

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. П. Безобразовъ. <i>В. М. Грибовскій</i> . Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. С.-Пб. 1897	407
Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Духимъ у Эсхила. Изслѣдованіе <i>И. Денисова</i> . Харьковъ. 1898	453
В. С. Серебренниковъ. Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. Изслѣдованіе <i>Александра Бриллиантова</i> . С.-Пб. 1898	469
— Книжныя новости	492
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)	19

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

— Объ окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1898 году	67
— Памяти А. О. Павлова:	
I. Отъ редакціи	106
II. Вл. В. Соколовскій. А. С. Павловъ (некрологъ)	109
III. Ив. Ив. Шаховской. Памяти Павлова	134

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. В. Никитскій. Дельфійскіе завіады	1
--	---

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій
(Вышла 1-го октября).

БОРЬБА ЗА МОСКОВСКИЙ ПРЕСТОЛЪ ВЪ 1598 ГОДУ.

Въ июньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ мы имѣли случай, при разказѣ объ обстоятельствахъ возвышенія Бориса Годунова, отмѣтить ту подробность, что кончина царевны Θεодосіи прошла не безъ вліянія на положеніе придворныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Въ предлагаемой статьѣ читатель найдетъ разказъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за кончиною царевны и приведшихъ Годунова къ разрыву съ тѣмъ боярскимъ кругомъ, къ которому онъ долго принадлежалъ.

Болѣзнь и смерть царевны Θεодосіи Феодоровны, послѣдовавшая, если мы не ошибаемся, 25-го января 1594 года, отняла у царя Феодора и царицы Ирины послѣднюю надежду имѣть потомство. Хотя и говорилось про царскую чету, что „оба государя млада и святы къ Богу“ и что „по ихъ государской святой молитвѣ Богъ имъ дастъ, чего они просятъ“,—однако конецъ династіи сталъ явель, и правитель Годуновъ не даромъ послѣ смерти царевны началъ „объявлять“ своего сына Феодора при посольскихъ приемахъ, какъ возможнаго продолжателя „царскаго корене“. Наблюдая постепенное угасаніе жизненныхъ силъ „изнемогавшаго“ царя, Годуновъ готовился къ неизбежной развязкѣ и имѣлъ время обдумать, что ему дѣлать. Ему открывался путь къ престолу: надобно было идти по этому пути твердо и увѣренно, не допуская никого себя опередить. А между тѣмъ были люди, которымъ воцареніе Бориса не могло быть приятно, и они съ своей стороны принимали мѣры. Есть извѣстія, что московскіе вельможи уже въ концѣ 1593 года обсуждали потихоньку планъ возведенія на московскій престолъ австрійскаго эрцгерцога Максимилиана. Андрей Щелкаловъ, посѣтивъ наканунѣ отпуска изъ Москвы, именно 7-го (17-го) декабря 1593 года, царскаго посла Варкоча,

далъ ему щедрыя подарки и подъ строжайшей тайною сообщилъ ему нѣкоторыя мысли, о коихъ Варкочь взялся устно передать императору. Предметомъ этихъ мыслей было воцареніе Максимилиана на Москвѣ послѣ смерти Θεодора; по крайней мѣрѣ Варкочь такъ представлялъ дѣло Рудольфу II. Положимъ, этотъ дипломатъ не заслуживаетъ безусловнаго довѣрія, и то, что онъ доносилъ своему государю о Москвѣ, бывало иногда чистѣйшею басней. Однако идея о возведеніи на московскій престолъ нѣмецкаго принца, и именно Максимилиана, занимаетъ императора Рудольфа много лѣтъ, а въ 1698 году, послѣ смерти Θεодора, эта же идея оказывается знакома и Л. Салъгѣ, и Хр. Радивилу, и италіанскимъ дипломатамъ. Очевидно, она не была легкомысленною фантазіею одного только Варкоча, но казалась вѣроятною и исполнимою очень многимъ. Замѣчательно, что, по датѣ Варкоча, А. Щелкаловъ завелъ рѣчь объ этомъ дѣлѣ всего за нѣскольکو недѣль до смерти маленькой царевны Θεодосіа. Знаменательно и то, что этотъ вліятельнѣйшій „великій дьякъ“ потерялъ свою должность и попалъ въ немилость очень скоро послѣ своихъ разговоровъ съ Варкочемъ, именно не поздиѣ мая 1594 года. Мы не знаемъ причинъ его опалы, но можемъ быть увѣрены, что онъ не заключался въ обычныхъ преступленіяхъ по должности, такъ какъ братъ Андрея Щелкалова, Василій, солидарный съ нимъ во всѣхъ самоуправствахъ, не только остался цѣль, но еще и получалъ должность опальнаго брата. Вина Андрея не была простымъ „воровствомъ“, а была, очевидно, „измѣною“, которая „не дошла“ даже до его роднаго брата. Мы въ правѣ предположить, что эта единоличная измѣна заключалась въ тайныхъ сношеніяхъ съ Варкочемъ, о которыхъ Борисъ могъ узнать отъ своихъ агентовъ, въ родѣ того Луки Паули, который ѣздилъ вмѣстѣ съ Варкочемъ и былъ имъ даже избойженъ¹⁾.

¹⁾ Царевну Θεодосію поминали 25-го января въ Кирилловомъ монастырѣ (см. Кормовыя книги монастыря въ Запискахъ Слав. и Русск. Археологіи Импер. Русск. Археол. Общества, I, стр. 68, и въ рукописи СПб. Дух. Академіи, изъ Кирилловскихъ № 68 (1807), л. 12). Дата 25-го января находитъ косвенное подтвержденіе въ другихъ документахъ (см. Н. Н. Веселовскій, Памятники и т. д., I, стр. 209—210; ср. Памяти. Дипл. Сн., II, стр. 91—92, 315 и Ник. Лѣт., VIII, стр. 26).— Варкочь въ Sammlung kleiner Schriften von B. von Wichmann, s. 190, и въ русскомъ переводѣ (Чтенія М. О. И. и Др. 1874, IV), стр. 31.—*Historisk Tidskrift*, 1883, Häftet 3, статья Н. Hjörne, стр. 261—262.— Сообщенія Варкоча о московскихъ дѣлахъ, приводимыя Г. Θ. Штендманомъ въ „Отчетѣ о XXI-мъ присужденіи наградъ графа Уварова“ (стр. 101—102), представляются намъ неосновательными: ихъ нельзя согласить съ тѣмъ, что намъ известно изъ

Но если даже предположеніе о причинахъ паденія А. Щелкалова будетъ принято, какъ вѣроятное, все таки надобно сказать, что вопросъ о престолонаслѣдіи, поднятый въ Москвѣ съ 1593—1594 гг., не привелъ къ открытому столкновенію между заинтересованными лицами. Любопытнѣйшій разказъ Варкоча о его бесѣдѣ съ А. Щелкаловымъ, да слухи о томъ, что не одинъ Борисъ достоинъ престола, пошедшіе по всей Руси немедленно послѣ смерти Θεодора,—одни указываютъ намъ на броженіе мыслей и страстей вокругъ вопроса о преемникѣ власти и сана бездѣтно угасающаго монарха. Москва въ тишинѣ ожидала развязки необычайнаго положенія. Всѣмъ было понятно, что послѣ смерти царя за его вдовою, царицею Ириною, должны были сохраниться права на власть, и никто не зналъ, пожелаетъ ли она ими воспользоваться. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы царствованія Θεодора Борисъ такъ хорошо владѣлъ положеніемъ, что ни для кого не оставалось возможности открытаго съ нимъ состязанія. Всѣ недовольные состояніемъ дѣлъ должны были таить въ себѣ свои виды и планы.

Въ Крещеньевъ вечеръ 1598 года царь скончался. На всѣхъ государствахъ его царствія осталась государынею его супруга Ирина Θεодоровна, которой тотчасъ же весь „царскій синклитъ“, съ ея братомъ правителемъ Борисомъ во главѣ, принесъ присягу въ присутствіи патріарха. Если бы Ирина захотѣла удержать власть за собою, никто бы ей не могъ прекословить. Все государство признало ея права на власть; ея именемъ отдавались приказанія; на имя царицы Ирины, а затѣмъ Александры (въ иночествѣ), писались отписки; въ Москвѣ и городахъ до нареченія на царство Бориса молились на ектеніяхъ за царицу. Но Ирина, мучимая сознаніемъ, что ею единою „царскій корень конецъ пріять“, не пожелала остаться на осиротѣвшемъ престолѣ и ушла въ монастырь. И лишь тогда, когда совершилось отреченіе отъ престола и постриженіе въ иночество вдовы-государыни, въ Москвѣ открылось междуцарствіе и началось исканіе царя. Официальное обсужденіе вопроса было отложено до „сорочинъ“ по успшемъ царѣ. До тѣхъ же поръ въ государствѣ сохранялся

другихъ рукъ.—О кандидатурѣ Максимиліана, кромѣ статьи Эрне, см. *Г. В. Форстенъ*, Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст., II, стр. 56, и ея же, *Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса*, I, № 97; также *Archiv. domus Sapienae*, I, № 214, стр. 178.—О времени опалы А. Щелкалова см. *Н. П. Лукачевъ*, Библіотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI ст., стр. 127; сравн. *Карамзина*, т. X, пр. 344.

временный порядокъ управленія, свидѣтельствующій о томъ, что и въ безгосударное время Москва могла быть крѣпка дисциплиною ¹⁾).

По смерти царя немедленно закрыли границы государства, никого черезъ нихъ не впуская и не выпуская. Не только на большихъ дорогахъ, но и на тропинкахъ поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывезъ вѣстей изъ Московскаго государства въ Литву и къ нѣмцамъ. Купцы польско-литовскіе и нѣмецкіе были задержаны въ Москвѣ и въ пограничныхъ городахъ, Смоленскѣ, Псковѣ и другихъ, съ товарами и слугами, и весь этотъ людъ получалъ даже изъ казны хлѣбъ и сѣно. Официальные гонцы изъ сосѣднихъ государствъ также содержались подъ стражею и по возможности скоро выпроваживались пограничными воеводами обратно за московскую границу. Гонцу Оршинскаго старосты въ Смоленскѣ не дозволили даже самому довести до водопоя лошадь, а о томъ, чтобы купить что либо на рынкѣ, нечего было и думать. Боялись московскіе люди и того, что сосѣднія государства задумаютъ воспользоваться междуцарствіемъ въ Москвѣ и откроютъ военныя дѣйствія. Въ городахъ отъ украинъ принимали экстренныя мѣры. Смоленскія стѣны спѣшно достраивали, свозя на нихъ различные строительные матеріалы „тысячами“ возовъ. Къ двумъ бывшимъ въ Смоленскѣ воеводамъ присоединили еще четырехъ. Усиленный гарнизонъ Смоленска не только содержалъ караулы въ самой крѣпости, но и высылалъ разъѣзды въ ея окрестности. Во Псковѣ также соблюдали величайшую осторожность и также былъ обновленъ административный составъ. Словомъ, Московское государство готовилось ко всякимъ случайностямъ и старательно оберегалось отъ посторонняго вмѣшательства и соглядатайства. Избраніе царя должно было совершиться не только безъ посторонняго участія и вліянія, но и въ тайнѣ отъ постороннихъ глазъ. Никто не долженъ былъ знать, въ какой обстановкѣ и съ какой степенью единодушія будетъ избранъ новый московскій государь ²⁾).

¹⁾ Ник. Лѣт. VП, стр. 352—355; также Др. Росс. Вивл. XX, стр. 66—67 (иначе въ Ник. Лѣт. VП, стр. 34).—*Карамзинъ*, X, прим. 366.—Мих. Шля „Донесеніе“ въ *Чтеніяхъ М. О. И. и Др.*, 1875, II, стр. 11 и слѣд.—*Archiv. domus Sapienae*, I, стр. 179 (многія мѣста перенесены, относящіяся до московскихъ дѣлъ, переведены въ рецензій С. Л. *Иташечко* въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, январь, стр. 208 и слѣд.).

²⁾ „Донесеніе“ М. Шля, стр. 11.—*Archiv. d. Sapien.*, 176—180, ср. 215.—*Чтенія М. О. И. и Др.* 1893, I, „Датскій Архивъ“, стр. 298—300.—Смоленская крѣпость, начата при Теодорѣ, была окончена уже послѣ его смерти при царѣ Борисѣ (Ник. Лѣт., VIII, стр. 30—31, 46).

Тѣмъ интереснѣе и цѣннѣе свѣдѣнія о московскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, успѣвшія проникнуть сквозь смоленскія и псковскія заставы къ сосѣдямъ Московскаго государства. Если сопоставимъ эти недавно обнаруженные свѣдѣнія съ тѣмъ, что находится въ памятникахъ собственно московской письменности, то получимъ рядъ очень важныхъ указаній и намековъ на московскія событія 1598 года,—такихъ указаній и намековъ, которые освѣтятъ намъ смыслъ не одной лишь избирательной борьбы 1598 года, но и многихъ послѣдующихъ событій времени царя Бориса. Обычныя наши представленія объ избраніи Бориса въ цари придется значительно измѣнить, старые взгляды придется исправить.

Врядъ ли кто изъ серьезныхъ писателей рѣшится теперь повторять по поводу избранія Годунова въ цари старыя обличенія, столь горячо обращенныя на самого Бориса и на патриарха Іова Карамзиннымъ, Костомаровымъ и И. Д. Бѣляевымъ. Можно считать окончательно оставленнымъ прежній взглядъ на царское избраніе 1598 года, какъ на грубую „комедію“, и на земскій соборъ, избравшій Бориса, какъ на „нгрушку“ въ рукахъ лукаваго правителя. Послѣ извѣстнаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго не остается сомнѣнія въ томъ, что составъ земскаго собора 1598 года былъ нормаленъ и правиленъ. „Въ составѣ избирательнаго собора (говоритъ г. Ключевскій) нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ“. Соборъ 1598 года по составу былъ совсѣмъ однороденъ съ соборомъ 1566 года: и на томъ и на другомъ „было представительство по служебному положенію, а не по общественному довѣрію“. Подобное представительное собраніе,—какъ бы мало, на нашъ взглядъ, оно ни отражало дѣйствительное настроеніе общества,—все таки признавалось законнымъ выразителемъ общественныхъ интересовъ и мнѣній. Если мы удостовѣримся въ томъ, что соборъ 1598 года сознательно и свободно высказался въ пользу избранія именно Бориса, мы должны будемъ счесть его возведеніе на престолъ законнымъ и правильнымъ актомъ народной воли.

Съ формальной стороны именно такъ и было. Соборъ, въ нормальномъ составѣ, руководимый патриархомъ, единогласно нарекъ Годунова царемъ и многократными просьбами и настояніями вынудилъ его принять избраніе. Оставаясь при новомъ царѣ въ теченіе весны и лѣта 1598 года, сопровождая его въ походъ противъ татаръ къ Серпухову, соборъ закончилъ свою дѣятельность утвержденіемъ избирательной грамоты 1-го августа, въ которой соборное избраніе опять

такимъ представлено было единодушнымъ и единогласнымъ. Почти 500 подписей, находящихся на этой грамотѣ и принадлежащихъ членамъ собора, свидѣлствуютъ намъ, что грамота эта была не своевольною поддѣлкою „лукавыхъ рачителей“ Бориса, а дѣйствительнымъ актомъ правильной соборной дѣятельности. Нѣтъ возможности сомнѣваться, что официальная сторона царскаго избранія была обставлена такими формальностями, которыя обезпечивали избранію непререкаемую законность.

Но была во всемъ этомъ дѣлѣ и другая сторона, о которой шло столько толковъ и среди современниковъ, и среди позднѣйшихъ любителей исторіи. Одинъ ли Годуновъ былъ достоинъ избранія? не было ли у него соперниковъ? и если были, то какими средствами онъ ихъ устранилъ? Всѣ согласны въ томъ, что не безъ борьбы обошлось избраніе Бориса и что Борису надобно было вести агитацію въ свою пользу. Сдержанный „Новый лѣтописецъ“, вышедшій, по всей видимости, изъ двора патріарха Филарета въ царствованіе его сына Михаила, съ кажущеюся откровенностью говорить, что при избраніи Бориса „князи Шуйскіе единые его не хотяху на царство: узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію; онъ же отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша“. До сихъ поръ было принято этому вѣрить, хотя, можетъ быть, было бы основательнѣе полагать, что Романовскій лѣтописецъ поставилъ здѣсь имя Шуйскихъ, такъ сказать, для отвода глазъ. Вѣдь Шуйскіе не терпѣли отъ царя Бориса „потомъ“ скорбей и тѣснотъ и съ этой стороны врядъ ли могли его „узнать“. Не къ нимъ должна быть отнесена эта фраза лѣтописца, а всего скорѣе къ Романовымъ и Бѣльскому, которые дѣйствительно претерпѣли въ царствованіе Бориса. И въ самомъ дѣлѣ никакой другой источникъ не говоритъ объ участіи Шуйскихъ въ борьбѣ *противъ* Бориса; напротивъ, о Романовыхъ и Бѣльскомъ есть интересныя извѣстія, какъ о соперникахъ Бориса. Есть даже намеки на прямое ихъ столкновеніе съ Годуновымъ въ 1598 году. Къ сожалѣнію, эти извѣстія и намеки недостаточно обстоятельны и ясны.

Когда Андрей Сапѣга сообщалъ изъ Орши, гдѣ онъ былъ старостою, гетману Христофору Радивилу первому, наскоро собранныя извѣстія о московскихъ дѣлахъ по смерти царя Θεодора, то уже въ январѣ 1598 года могъ онъ точно назвать четырехъ претендентовъ на царскій санъ: Б. Ѳ. Годунова, кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, Ѳ. Н.

Романова и Б. Я. Бѣльскаго. Изъ нихъ наиболѣе серьезнымъ въ ту минуту считалъ онъ Ѳедора Никитича—по родству съ умершимъ царемъ, а наиболѣе рѣшительнымъ—Бѣльскаго, который, желая будто бы стать великимъ княземъ, пріѣхалъ въ Москву съ большимъ скопомъ (*z wielkim ludem*), какъ только узналъ о кончинѣ царя. Шпіоны Сапѣга сообщали ему, что московскіе люди опасаются даже кровопролитія при царскомъ избраніи. Тремя недѣлями позже А. Сапѣга получилъ извѣстіе, будто самъ царь Ѳедоръ, умирая, указывалъ избрать на царство Ѳедора или Александра Романовыхъ, или Мстиславскаго, или Годунова. При нѣкоторомъ обилии подобныхъ новостей А. Сапѣга ни одного слова не слышалъ о какихъ бы то ни было притязаніяхъ Шуйскихъ: ихъ нѣтъ совсѣмъ въ числѣ претендентовъ, ни одна версія разказовъ о московскихъ дѣлахъ не возвышаетъ Шуйскихъ до такой роли. Сапѣга знаетъ о Шуйскихъ только то, что одинъ изъ нихъ, будучи своякомъ (*szwagrem*) Бориса Годунова, старался примирить его съ Ѳедоромъ Никитичемъ и съ другими боярами и убѣждалъ бояръ ничего не дѣлать безъ вѣдома и участія Бориса. Это, очевидно, кн. Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, который былъ женатъ на сестрѣ Борисовой жены и потому зачислялся въ сторонники Годунова. Такую же второстепенную роль знатной Годуновской родни отводитъ Шуйскимъ и Исаакъ Масса, когда говоритъ о времени Годунова; а у Ив. Тимошеева и у Маржерета находимъ интересные намеки на пониженное положеніе Василя Шуйскаго и его братьевъ при „первоцарѣ“ Борисѣ. Ни въ одномъ изъ прочихъ источниковъ, относящихся къ изучаемому моменту, Шуйскіе не стоятъ въ числѣ фамилій, притязавшихъ на вѣнецъ. Исключеніе составляетъ одна Повѣсть 1606 года (иначе „Иное сказаніе“), за которою твердо установлена репутація злостнаго памфлета, продиктованнаго кружкомъ самихъ Шуйскихъ. Нѣтъ нужды теперь доказывать, что этой Повѣсти въ данномъ вопросѣ невозможно довѣрять. Стоитъ намъ вспомнить, что семья Шуйскихъ прошла при Грозномъ черезъ его опричнину и тѣмъ купила свою цѣлость и безопасность въ тяжелое время гоненій на Рюриково племя, и мы поймемъ всю живость Повѣсти, увѣряющей насъ, что при Грозномъ „великіе бояре“ Шуйскіе были „вѣрными пріятелями“ и „правителями“ и „господією“ надъ „лукавымъ рабомъ“ Борисомъ Годуновымъ. Нѣтъ, въ 1598 году политическая роль Шуйскихъ еще не начиналась, и они, живя пока въ преданіяхъ опричнины, находились въ послушаніи у того самаго Году-

нова, надъ памятью котораго впоследствии они такъ зло и неблагодарно надругались ¹⁾).

Соперниками Годунову были не Шуйскіе, а прежде всего Романовы. „Завѣщательный союзъ“ дружбы, заключенный между ними и Борисомъ еще при жизни Никиты Романовича, въ свое время имѣлъ большой смыслъ для обѣихъ сторонъ. Старикъ Никита Романовичъ вѣрилъ Борису „о чадѣхъ своихъ соблюденіе“ потому, что онъ оставлялъ своихъ чадъ, особенно младшихъ, безъ твердой позиціи среди дворцовой знати: ни одинъ изъ нихъ до 1587 года не былъ въ боярахъ. По молодости Никитичей, дружба конюшаго царскаго Бориса Годунова могла имъ быть очень полезна. Съ другой стороны, и Годунову было важно дружить съ семьей Никитичей, потому что эта семья считалась царскою роднею и уже полвѣка пользовалась крѣпкою популярностью въ московскомъ обществѣ. Но годы шли, близился конецъ династїи, Никитичи стали высоко и твердо въ средѣ московскихъ бояръ сплоченною и многолюдною семьей, вокругъ которой собралось много другихъ близкихъ по родству и свойству семей. Въ качествѣ давней государевой родни, они должны были считать себя ближе къ престолу и династїи, чѣмъ Годуновы, недавно породнившіеся съ царскою семьей. Съ потомствомъ Калиты они были связаны уже въ двухъ поколѣніяхъ, и самъ царь Феодоръ былъ ихъ крови; а Годуновы не могли похвалиться, чтобы царскій корень укрѣпился и процвѣлъ отъ родства съ ними. Когда начались въ Москвѣ разговоры о томъ, кому суждено наследовать царское достоинство,

¹⁾ *Русская Мысль*, 1892, I, статья В. О. Ключевского, стр. 146.—Ник. Лѣт. VIII, стр. 36.—Archiv. d. Sapieh., I, стр. 176 и 180, 178.—Сказанїи Массы и Германа, стр. 54, 69, 109.—Русск. Ист. Библ. XIII, стр. 389 (здесь извѣстіе Тимоеева о томъ, какъ М. Татищевъ, угождая царю Борису, досаждалъ В. Шуйскому „даже и до рукобіенїа“).—Маржереть (въ изд. Устрялова, стр. 292) говорить о постоянномъ подозрѣніи, въ какомъ находились Шуйскіе, даже и тогда, когда Борисъ ихъ жаловалъ.—Мы избѣгаемъ пересказывать много разъ уже наложенную въ печати исторїю земскаго собора, избравшаго Бориса. Составъ собора изслѣдованъ и объясненъ въ указанной нами статьѣ В. О. Ключевского, а о ходѣ соборныхъ засѣданїи мы не знаемъ ничего такого, что дозволяло бы исправить или отвергнуть такъ называемую „избирательную грамоту“ (А. Э. II, № 7, и Др. Росс. Вивл., VII). Къ старымъ рассказамъ о томъ, какъ молили Бориса, а онъ отказывался, въ послѣднее десятилѣтіе прибавились нѣсколько фразъ въ сказанїяхъ Ив. Тимоеева и Авр. Палицина; оба эти сказанїя изданы нами въ XIII томѣ Русск. Ист. Библиотеки.—Официальные разказы объ избранїи Бориса помѣщены въ „Памятникахъ“ Н. И. Веселовскаго (II, 38—40) и въ „Памятникахъ Дипл. Снош.“, II, 663 и слѣд.

противопоставленіе Романовыхъ и Годуновыхъ стало неизбежно и должно было вести къ разрыву старой дружбы. Ясные отголоски такихъ разговоровъ и противопоставленій сохранились до насъ одинаково и въ русскихъ, и въ иностранныхъ памятникахъ.

Въ московскомъ обществѣ очень рано создалось преданіе о томъ, что самъ царь Ѳеодоръ „приказалъ быть по себѣ на престолѣ“ Ѳеодору Никитичу, „братаничу своему по матери“. Слухъ объ этомъ прибрѣталъ, въ изложеніи иностранцевъ, очень опредѣленную форму: царь Ѳеодоръ передъ смертью передалъ или желалъ передать Романову свою корону и скипетръ въ знакъ того, что завѣщаетъ ему царство. То обстоятельство, что Романовы не воцарились въ 1598 году, объяснялось какъ козни и „предковеніе“ Бориса, который будто бы выхватилъ скипетръ изъ рукъ умиравшаго государя. Въ такомъ видѣ разказы о Романовыхъ представляются какъ бы позднѣйшею эпическою обработкою историческаго преданія. Въ 1598 году; разумѣется, эти разказы не имѣли еще поэтической законченности и изобразительности, но, какъ оказывается теперь, основа ихъ была уже готова. Черезъ шпіона А. Салъга зная, уже въ началѣ февраля, московскій слухъ такого содержанія: Годуновъ спрашивалъ умирающаго царя, въ присутствіи царицы Ирины и Ѳеодора Никитича, о томъ, кому быть на царскомъ престолѣ, надѣясь, что царь назоветъ его самого. Но Ѳеодоръ отвѣтилъ ему: „ты не можешь быть великимъ княземъ, если только не выберутъ тебя единодушно; но я сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, такъ какъ ты низкаго происхожденія (z podłego pałodu)“. И царь указалъ на Ѳеодора Никитича, какъ на вѣроятнѣйшаго своего преемника. давъ ему при этомъ совѣтъ, если его выберутъ на царство, удержать при себѣ Бориса, какъ умнѣйшаго совѣтника. Разказывавшіе эту исторію выражали сначала увѣренность, что царемъ будетъ именно Ѳеодоръ Романовъ, такъ какъ за него стоятъ вельможи (wojewodowie i bojarze dumni), какъ за царскаго родственника. Позже эта увѣренность поколебалась, когда выяснилось, что на сторонѣ Бориса не одно низшее дворянство и стрѣльцы, но и вся почти народная масса (pospólstwo niemal wszystko). Эти свѣдѣнія сообщенныя А. Салъгоу Хр. Радзивилу, разошлись затѣмъ по всей Европѣ и сохранились даже въ италіанскомъ переводѣ. Они же читаются и у Ис. Массы; ихъ отголоски переданы Петреемъ и Буссовымъ. Словомъ, всѣ современники знакомы были съ тѣмъ, чего не могъ не знать и самъ Борисъ. На его дорогѣ къ трону стояла семья, за которую общественное мнѣніе признавало не меньшее, если не

большее право наследовать царскую власть. Къ невыгодѣ Бориса, это право основывалось на безспорной кровной близости къ угасшей династіи. Въ глазахъ современниковъ кровная связь была сильнѣйшимъ шансомъ Никитичей. Не мудрено, что о нихъ самихъ и о возможномъ воцареніи старшаго изъ нихъ держались такіе упорные и для Годунова оскорбительные слухи.

О другихъ возможныхъ соперникахъ правителя Бориса Федоровича говорили гораздо менѣе. Особенно мало шансовъ было у царскаго оруженнаго Б. Я. Бѣльскаго. Насколько можно судить о характерѣ этого человѣка, онъ представляется типичнымъ политическимъ карьеристомъ, легко идущимъ на беззаконіе. Въ 1584 году его обвиняютъ въ томъ, что онъ желалъ путемъ насильственнаго переворота передать московскій престолъ помимо старшаго брата Федора младшему Димитрію. Въ 1598 году о немъ разказываютъ, что онъ самъ назойливо выступалъ претендентомъ на престолъ, въ 1600 году противъ него возникаетъ обвиненіе, что онъ затѣвалъ что-то противъ Годунова на южныхъ границахъ государства, въ Царевѣ Борисовѣ, который ему было поручено построить и укрѣпить. Если присоединить къ этому еще обвиненіе, что онъ умертвилъ своего благодѣтеля царя Іоанна Грознаго, то наберется достаточно данныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ оцѣнивали современники нравственные достоинства Богдана Бѣльскаго. Не будучи ни бояриномъ, ни даже окольнымъ, происходя изъ второстепеннаго служилаго рода Плещеевыхъ, онъ могъ только по исключительной дерзости своей мечтать о тронѣ. Одинъ слухъ о подобныхъ претензіяхъ, если даже онъ былъ и неоснователенъ, долженъ былъ раздражать и Бориса, и прочую знать. Наконецъ, послѣдній изъ соперниковъ Бориса, кн. Ѳ. И. Мстиславскій имѣлъ гораздо болѣе данныхъ считаться въ числѣ претендентовъ. Его бабка была двоюродною сестрою Івана Грознаго, а отецъ бывалъ неизмѣнно первымъ среди бояръ этого царя. Но мы уже однажды видѣли, что бояре не высоко цѣнили породу Мстиславскихъ и находили, что „великими“ ихъ učinилъ Грозный не по отечеству, а своимъ жалованіемъ по родству. Къ тому же Мстиславскіе пошли не отъ Рюрика, а отъ литовскаго Яввутія, и не были кореннымъ московскимъ родомъ ¹⁾.

¹⁾ Др. Росс. Вѣст. XX, стр. 62—63.—Изборникъ А. Н. Потова, стр. 188.—Сказанія Массы и Геркмана, стр. 56 и прим. 105.—Archiv. d. Sarpieh., I, стр. 177—179 и Г. В. Форстена, Акты и письма, I, № 97.—Е. Н. Вестужева-Рю-

Такимъ образомъ въ рѣшительную минуту царскаго избранія, когда Борису оставалось сдѣлать послѣдній шагъ къ той завѣтной цѣли, къ которой онъ давно и такъ обдуманно приближался, Борисъ долженъ былъ узнать, что общественное мнѣніе не его одного прочить въ царя. Противъ него поставлена была семья Романовыхъ, рядомъ съ его именемъ произносилось имя Бѣльскаго и князя Мстиславскаго, шли даже какіе-то слухи о Максимиланѣ. Не считая Максимилана, кандидатура котораго врядъ ли имѣла серьезный смыслъ среди собственно московскихъ людей,—изъ русскихъ соперниковъ Бориса, кажется, одинъ лишь Мстиславскій опредѣленно устранялся отъ борьбы; остальные же не сразу уступили Борису. Заключаемъ это изъ донесеній нѣмецкихъ и литовскихъ агентовъ. Мы уже видѣли, что А. Сапѣга въ январѣ 1598 года имѣлъ свѣдѣнія о возможности даже кровопролитія во время царскаго избранія; если это опасеніе и не было основательнымъ, оно все-таки свидѣтельствовало о смутномъ настроеніи умовъ и о тревожныхъ ожиданіяхъ. Въ началѣ февраля до А. Сапѣги доходить уже слухъ о томъ, что Годуновъ поссорился съ боярами и что Ѳедоръ Романовъ бросался на него съ ножемъ. Агенты Сапѣги сначала сообщили ему увѣренность, что именно этотъ Романовъ, а не Годуновъ, скорѣе всего будетъ избранъ на престолъ, и лишь постепенно убѣждался Сапѣга въ томъ, что у Годунова сильная партія и большіе шансы. Передавая объ этомъ, въ серединѣ февраля, Хр. Радивилу, онъ замѣчаетъ, что московскіе вельможи желали бы избрать на царство Ѳедора или Александра Романовыхъ, но что простонародье (*rozpoltu szlowiek*) и стрѣльцы предпочитаютъ Годунова и что поэтому московскіе люди никакъ не могутъ стовориться и между ними большой расколъ и раздраженіе. Немногимъ позднѣе изъ Пскова писали о московскихъ дѣлахъ въ Германію, что Годуновъ воцарился насильно (*mit gewallt*) и что въ послѣднія двѣ недѣли (то-есть, въ первой половинѣ февраля) въ Москвѣ произошла великая смута изъ-за царскаго избранія: вельможи (*die vornembsten*) не желаютъ признавать Годунова царемъ. Эта смута передалась и въ области: многіе будто бы уклонились отъ присяги новому царю, и между прочимъ братія Псково-Печерскаго монастыря, которую привели ко кресту уже мѣрами понужденія.

Линна, Обзоръ событій и т. д. въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1887, июль, стр. 51, 92, и *Archiv. d. Sapieh.*, I, стр. 176. — Ник. Лѣт. VIII, стр. 6, и *Русск. Ист. Библ.*, XIII, стр. 275 — 276. — *А. И. Маркевича*, О мѣстничествѣ, стр. 328, и *Исторія мѣстничества*, стр. 297.

Если даже и не придавать значенія и вѣроятія отдѣльнымъ подробностямъ всѣхъ этихъ слуховъ, все же остается безспорнымъ основной фактъ—колебаніе и раздѣленіе общественныхъ симпатій между различными кандидатами на царскій престолъ, главнымъ образомъ, между Ѳеодоромъ Романовымъ и Борисомъ Годуновымъ. Мы можемъ вѣрить и тому, что первый изъ претендентовъ опирался на придворную знать, а второй находилъ приверженцевъ въ среднихъ слояхъ общества. Извѣстенъ фактъ, что политика Бориса всего благосклоннѣе была именно къ среднимъ общественнымъ состояніямъ и именно въ нихъ всего популярнѣе былъ Годуновъ. Естественно предположить, что въ рѣшительные дни царскаго избранія, для успѣха въ избирательной борьбѣ, Годуновъ долженъ былъ обратиться къ дѣятельной агитаціи и прежде всего направить своихъ агентовъ въ расположенныя къ нему слои столичнаго и городского населенія. Одною изъ мѣръ этого порядка мы можемъ считать назначеніе на должности въ городахъ и въ самой Москвѣ надежныхъ съ точки зрѣнія Годунова лицъ. Служебныя назначенія, конечно, вполнѣ зависѣли отъ Годунова, пока онъ оставался во главѣ правительства. Нѣмецкое письмо изъ Пскова, уже извѣстное намъ, свидѣтельствуетъ, что во Псковъ послѣ кончины царя Ѳеодора были присланы новые чиновники изъ близкихъ къ Борису людей (*die dem Gudenow verwandt*). Новые воеводы, какъ мы видѣли, были посланы и въ Смоленскъ. По словамъ же Ив. Тимоеева, Годуновъ всю Москву наполнилъ родными и спомогателями, такъ что вездѣ было его „слухъ и око“ и всѣ дѣйствія даже „самого архіерея“, то-есть, патриарха, руководились этими спомогателями. Другимъ видомъ агитаціи была посылка агентовъ по Москвѣ и городамъ съ цѣлью прямой подготовки среднихъ классовъ населенія къ избранію въ цари Бориса. И русскіе авторы (Повѣсть 1606 года, Ив. Тимоеевъ) и иностранцы (Буссовъ) разказываютъ объ этой агитаціи среди стрѣльцовъ и городского населенія и дѣлаютъ изъ нея своего рода улику противъ Бориса. Даже полицейское усердіе тѣхъ приставовъ, которые распоряжались 21-го февраля подъ Дѣвичьимъ монастыремъ въ городской толпѣ, авторъ Повѣсти 1606 года ставитъ въ вину самому Борису. Такого вниманія не вызвала къ себѣ агитація другихъ претендентовъ; но это еще не значитъ, чтобы она къ ней не прибѣгала. Косвеннымъ путемъ мы можемъ и о ней собрать кое какія данныя. Очень интересны указанія на приходившія во Псковъ письма объ избирательныхъ дѣлахъ, общій смыслъ которыхъ былъ неблагопріят-

тепъ для Бориса; между прочимъ Печерскіе монахи не желали при-
сягать Борису послѣ какого-то письма отъ нихъ игумена Іоакима; этотъ игумень, кстати сказать, не подписался лично подъ избира-
тельною грамотою Бориса, хотя и былъ сосчитанъ въ числѣ участ-
никовъ собора. Безъ сомнѣнія, орудіемъ агитаціи противъ Годунова
была сначала попытка обвинить его въ смерти царевича Дмитрія, а
затѣмъ, уже послѣ избранія Бориса, попытка воцарить Симеона Бек-
булатовича. На этихъ фактахъ необходимо нѣсколько остановиться.

Въ извѣстной намъ перепискѣ А. Сапѣги съ Хр. Радивиломъ со-
общена, отъ 15 (5-го по старому стилю) февраля, невѣроятная, но
очень важная для характеристики минуты, исторія о смерти царевича
Дмитрія и о желаніи Годунова замѣнить его самозванцемъ. Вотъ
содержаніе этой странной исторіи. Сапѣга узналъ, „будто бы по
смерти великаго князя (Феодора) Годуновъ имѣлъ при себѣ своего
друга, во всемъ очень похожаго на покойнаго князя Дмитрія, брата
великаго князя московскаго, который рожденъ былъ отъ Пятигорки
(z Peciogki, то-есть Маріи Темрюковны) и котораго давно нѣтъ на
свѣтѣ. Написано было отъ имени этого князя Дмитрія письмо въ
Смоленскъ, что онъ уже сдѣлался великимъ княземъ. Москва стала
удивляться, откуда онъ появился, и поняли, что его до времени при-
прятали. Когда этотъ слухъ дошелъ до бояръ, стали другъ друга раз-
прашивать. Одинъ бояринъ и воевода, нѣкій Нагой (Nahł), сказалъ:
князя Дмитрія на свѣтѣ нѣтъ, а сосѣдъ мой астраханскій тиунъ Ми-
хайло Битяговскій (ciwun Astarachański Michajło Biczohowski) обо
всемъ этомъ знаетъ. Тотчасъ за нимъ послали и по приѣздѣ стали его
пытать, допрашивая о князѣ Дмитріѣ, живъ ли онъ или нѣтъ. Онъ
на пыткѣ сказалъ, что онъ самъ его убилъ по приказанію Годунова
и что Годуновъ хотѣлъ своего друга, похожаго на Дмитрія, выдать
за князя Дмитрія, чтобы его избрали княземъ, если не хотятъ его
(Бориса) самого. Этого тиуна астраханскаго четвертовали, а Годунова
стали упрекать, что онъ измѣнилъ своимъ государямъ, измѣною убилъ
Дмитрія, который теперь очень нуженъ, а великаго князя отравилъ,
желая самъ сдѣлаться великимъ княземъ. Въ этой ссорѣ Феодоръ Ро-
мановъ (Książ Fiedor Romanowicz) бросился на Годунова съ ножомъ
съ намѣреніемъ его убить, но этого не допустили. Говорятъ о Го-
дуновѣ, что послѣ этого случая онъ не бываетъ въ думѣ“. Таковъ
разказъ, передаваемый Сапѣгою. Воспользоваться имъ для исторіи
настоящаго или ложнаго Дмитрія, намъ представляется, совсѣмъ
невозможно по изобилію въ немъ нелѣпостей. Въ разказѣ царевичъ

Димитрій, названъ сыномъ Маріи, но не Нагой, а „Пятигорки“, второй жены Грознаго; Михаилъ Битяговскій оказывается еще живъ въ 1598 году; въ промежутокъ времени отъ смерти царя Феодора и до 5-го февраля, въ теченіе четырехъ недѣль, Сапѣга умѣстилъ столько событій, сколько не помѣстилъ бы человекъ, хотя немного знакомый съ разстояніями и порядками Московскаго государства. Наконецъ, въ разказѣ, дается совсѣмъ невѣроятное объясненіе, почему Годуновъ выпустилъ въ свѣтъ самозванца. Словомъ, разказъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія своею фавулою. Но важно появленіе такого разказа въ 1598 году. Значить, еще Борисъ не сталъ царемъ, а идея самозванства уже бродила въ умахъ и на Бориса падало обвиненіе въ смерти царя Феодора и его брата царевича. Если судить по разказу Сапѣги, московскіе люди плохо помнили, чей сынъ и какого возраста былъ Димитрій, какъ ему приходился Нагой, какова была судьба Битяговскаго, но толковали, что царевича велѣлъ убить Борисъ. Готовы были вѣрить въ то, что могъ явиться или уже явился во имя Димитрія самозванецъ, но еще считали его пріятелемъ и креатурою Бориса и думали, что онъ—отъ Годунова, а не на Годунова. Не давая вѣры всему тому, что баснословилъ Сапѣга со словъ своихъ шпионовъ, не можемъ однако отрицать, что эти баснословія, направленные противъ Бориса, распространялись въ московскомъ обществѣ въ періодъ царскаго избранія, конечно, не для того, чтобы содѣйствовать воцаренію Годунова. Въ разказѣ о Димитріѣ Годунову отводится самая черная роль и, наоборотъ, Феодоръ Никитичъ выступаетъ въ качествѣ благороднаго мстителя, желающаго въ порывѣ негодовація своею рукою покарать Бориса. Эта особенность намекаетъ намъ, въ чью пользу составленъ былъ разбираемый разказъ и съ какою цѣлью онъ распространялся. Цѣль эта безспорно агитаціоннаго характера: объявивъ Бориса убійцею, лишали его необходимой для высокаго избранія нравственной безупречности ¹⁾).

¹⁾ Archiv. d. Sarpieh., I, стр. 176 — 180. — *Ученія М. О. И. и Д.*, 1893, I, Датскій архивъ, стр. 298 — 300. — Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, изд. *Устрялова*, I, стр. 14—15. — *Русск. Ист. Вѣст.*, XIII, стр. 12—15, 325, 355. — *Карамзинъ*, X, прим. 386. — Любопытно, что назначенные изъ Москвы въ Смоленскъ кн. Т. Р. Трубецкой и во Псковъ кн. А. Голицынъ были встрѣчены тамъ непріязненно: старые воеводы не желали съ ними дѣлать дѣлъ, впрочемъ, изъ мѣстическихъ соображеній. Скрывались-ли здѣсь иные мотивы, сказать трудно. — Объ игуменѣ Іоакимѣ срви. А. Э. II, № 7, стр. 42 и стр. 47. — Въ изложеніи письма А. Сапѣги 5 (16-го) февраля о царевичѣ Димитріѣ (Archiv. d.

Столь же интересенъ и другой эпизодъ съ воцареніемъ „великаго князя всея Руси“ Симеона Бекбулатовича. Въ „подкрестной записи“ Борису, составленной въ сентябрѣ, послѣ его вѣнчанія на царство, когда присяга новому царю, вѣроятно, была повторена по случаю этого вѣнчанія, не разъ дается обязательство не хотѣть на царство „царя Семіона Бекбулатова“, не ссылаться съ нимъ и доносить о всякомъ движеніи или разговорѣ въ пользу царя Симеона или его сына. Отставленный еще Грознымъ отъ „великаго княженіе всея Руси“, Симеонъ почитался „великимъ княземъ Тверскимъ“, пока его въ правленіе Бориса не лишили „удѣла во Твери“ и не свели на простую вотчину въ одно изъ тверскихъ сель, именно Кушалино. Потерявъ свой многолюдный дворъ, Симеонъ обѣднѣлъ слугами и хозяйствомъ, утратилъ зрѣніе и жилъ въ скудости. Могъ-ли онъ представлять теперь какую-либо опасность для всемогущаго царя Бориса? И если нѣтъ, то стоило-ли упоминать его въ записи? С. М. Соловьевъ и за нимъ К. Н. Вестужевъ-Рюминъ внимательно отнеслись къ этому вопросу, постарались объяснить, почему подозрительный Борисъ могъ ожидать движенія въ пользу Симеона, и заподозрили дату подкрестной записи—15-го сентября. Но они не знали тѣхъ обстоятельствъ, которыя произошли въ Москвѣ въ апрѣлѣ или маѣ 1598 года, предъ выѣздомъ Бориса въ Серпуховъ на татаръ. А. Сапѣга 6 (16-го) іюня сообщалъ Радивилу, что какъ разъ передъ походомъ на татаръ, нѣкоторая, и при томъ значительная, часть московскихъ боярѣ и князей, имѣя во главѣ Бѣльскаго (Сапѣга называетъ его княземъ) и Федора Никитича съ его братомъ (разумѣется, Александромъ), стали думать, какъ бы взамѣнъ нежелаемаго ими Бориса избрать на царство Симеона Шигалеевича, казанскаго царевича (Symeona syna Szugałejowego sazewicza Kazańskiego), который живетъ далеко отъ Москвы, въ Сибири. Нареченный царь Борисъ узналъ объ ихъ совѣтѣ на него и успѣлъ его разстроить, указавъ боярамъ, что при опасности отъ татаръ нельзя заниматься внутренними счетами и раздорами. Однако онъ отправился на татаръ, не будучи вѣнчанъ на царство, хотя москвичи и настаивали на томъ, чтобы онъ скорѣе вѣнчался царскимъ вѣнцемъ. Въ этомъ сообщеніи Сапѣги, какъ и во всѣхъ прочихъ, истина перемѣшана съ пустыми слухами, и ее трудно

Варіет., I, № 214) слѣдуемъ переводу С. Л. Пташницкаго, лишь вспомявъ пропущенное имъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, январь стр. 210).—О названіи „Пятигорка“ см. К. Н. Вестужева-Рюмина, *Русск. Ист.*, II, стр. 264, примѣч.

отдѣлять отъ вздорныхъ прибавленій: Личность Симеона не вполнѣ известна Сапѣгѣ. Называя его „казанскимъ“ вѣсто „касимовскаго“, Сапѣга изъ того, что Симеонъ въ смыслѣ, дѣлаетъ заключеніе, что онъ — въ Сибири, куда уже начинали тогда ссылатъ московскихъ опальныхъ. Нѣсколько наивно излагаетъ Сапѣга увѣщанія Бориса, вразумившія якобы заговорщиковъ. Но основной фактъ—движеніе бояръ, недовольныхъ избраніемъ Бориса, въ пользу „великаго князя“ Симеона—богѣ чѣмъ вѣроятнѣе. Програвъ сама въ качествѣ кандидатовъ на царство, противники Бориса стали агитировать въ пользу челоуѣка, не бывшаго до тѣхъ поръ претендентомъ и не испытывающаго избирательной неудачи, но имѣющаго нѣкоторое основаніе искать вновь той власти въ государствѣ, которою онъ уже разъ номинально обладалъ по прихоти Грознаго. Повела-ли агитація за Симеона къ скопу и заговору, или ограничилась простыми разговорами, мы не знаемъ. Но она напугала Бориса и повела ко вставкѣ новыхъ обязательствъ въ подкрестную записку¹⁾.

Итакъ, не позднѣе 1594 года начали въ Москвѣ думать о предстоящемъ прекращеніи династїи: Борисъ началъ рядомъ съ собою „объявлять“ своего сына Θεодора, а А. Щелкаловъ бесѣдовалъ съ Варкочемъ о штирійскомъ эрцгерцогѣ. Сколько-нибудь опредѣленные шаги всякихъ претендентовъ были невозможны, пока не выяснилось поведеніе царицы Ирины. Когда же она удалилась отъ царства въ иноческую келью, оказалось, что санъ монарха, у Бориса Годунова желали оспаривать Романовы и Бѣльскій, а общественное мнѣніе указывало еще, какъ на возможныхъ кандидатовъ, на Θ. И. Мстиславскаго и Максимилиана. Трудно сказать точно, какія формы принимала избирательная борьба, но по всей видимости она была горяча

¹⁾ А. Э., II, № 10.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 30.—*Соловьевъ*, Обзоръ событїи и т. д. въ *Современникѣ*, 1848, томъ VII, стр. 38—40.—*Вестужевъ-Рюминъ*, Обзоръ событїи и т. д. въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенїя*, 1887, июль, стр. 85.—О времени похода къ Серпухову Русск. Ист. Библ. II, № 45 и 46.—Archiv. d. Sarieh., I, стр. 187—188. Не извѣстно точно, когда принесли первую присягу Борису, но во всякомъ случаѣ вскорѣ по избранїи его, до 9-го марта (А. Э., II, № 7, стр. 27, 37 и 39). Такимъ образомъ, дата „15-го сентября“ на подкрестной записки (въ А. Э. II, № 10) указываетъ на вторичную присягу. И нѣкоторыя частности разказа Нв. Тимоеева (срвн. Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 333, 329, 344—350) ведутъ къ тому же заключенїю, что присяга была повторена: авторъ относитъ то крестное цѣлованье Борису, о которомъ подробно разказываетъ, ко времени его „воцаренїя“, а это слово у Тимоеева значитъ „вънчжаніе на царство“.

и упорна. Конечно, эту именно борьбу съ такимъ сокрушеніемъ вспоминалъ въ своей „прощальной грамотѣ“ патріархъ Іовъ, когда говорилъ о промежуткѣ времени между смертью царя Федора и воцареніемъ Бориса, что его, стоявшаго на сторонѣ Бориса, постигли въ тѣ дни „озлобленіе и клеветы, укоризны, рыданія-жь и слезы“. Чувства не улеглись даже и послѣ того, какъ Бориса нарекли царемъ и, казалось, дѣло было окончено безповоротво. Спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ нареченія Годунова, нашли новаго ему соперника въ лицѣ Симеона Бекбулатовича и подняли шумъ, испугавшій Бориса. Всѣ озлобленія, клеветы и укоризны выборной горячки, кажется, не трогали прямо земскаго собора, а развивались, такъ сказать, за его спиною, въ народѣ. Это замѣтилъ уже В. О. Ключевскій, комментируя повѣсть 1606 года. „Этотъ тенденціозный разказъ (говоритъ онъ): даетъ понять, что агитація, затѣянная клеветами Годунова, ведена была прямо въ народной массѣ мимо собора и не коснулась его состава, не имѣла цѣлю подбора его членовъ, подтасовки голосовъ. Но она заставила соборъ выпустить изъ своихъ рукъ рѣшеніе вопроса и отдать его на волю народа, поднятаго агентами Годунова“. Насколько это справедливо относительно агитаціи клеветовъ Бориса, настолько же справедливо и по отношенію къ другимъ претендентамъ. Особенно ясно это въ дѣлѣ Симеона Бекбулатовича, имя котораго было поставлено уже не противъ одного царя Бориса, но и противъ земскаго собора, въ то время окружавшаго избраннаго имъ царя и солидарнаго съ нимъ. Понятно, при этихъ соображеніяхъ, почему Борисъ такъ дорожилъ торжественною формальностью при своемъ избраніи и вѣнчаніи, пышнымъ текстомъ избирательной грамоты, мелочною предусмотрительностью текста присяги. Въ этомъ онъ видѣлъ одно изъ средствъ укрѣпиться въ новомъ достоинствѣ. Онъ даже искалъ въ этомъ содѣйствія у церковной власти и прибѣгалъ къ покровительству самой святыни. Присягу ему приносили въ церквахъ, у мощей и чудотворныхъ иконъ, въ присутствіи высшаго духовенства. Избирательную грамоту спрятали въ раку мощей святителя Петра. Особое соборное опредѣленіе утверждало Борисово избраніе и грозило проклятіемъ всякому, кто рѣшился бы „отлучиться“ отъ новаго государя и его избравшихъ. Въ текстѣ присяги, въ концѣ, была также фраза, обрекавшая проклятію всякаго, кто преступилъ бы вѣрность царю Борису. Не простою подозрительностью и мелочностью, какъ думаетъ С. М. Соловьевъ, вызваны были всѣ эти предо-

сторожности, но условіями воцаренія Бориса. Новый царь, вступая на царство, зналъ, что не всё одинаково желаютъ ему повиноваться ¹⁾).

Если мы сообразимъ, на основаніи разсмотрѣнныхъ извѣстій, то именно оказался противъ Бориса, то поймемъ всю трудность и щекотливость его положенія. Ему пришлось соперничать и бороться съ своими былыми друзьями. Мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, что за много лѣтъ до злополучнаго 1598 года образовался интимный дворцовый кружокъ, связанный „завѣщательнымъ союзомъ дружбы“ и состоявшій изъ Романовыхъ и Годунова съ примыкавшими къ нимъ Щелкаловыми. Этотъ то кружокъ и разсорился изъ-за вопроса о престолонаслѣдіи. Въ 1593—1594 году измѣнилъ Годунову А. Щелкаловъ, а въ 1598 году „измѣнили“ и Романовы. Такимъ образомъ не старое титулованное боярство, очнувшись отъ ужасовъ Іоанновой опричнины, подняло свою голову, чтобы посадить на престолъ чело-вѣка „великой породы“ отъ колѣна Рюрикова; не политическая партія пыталась, возводя на тронъ своего вожака, захватить власть и сызъ въ государствѣ. Нѣтъ, здѣсь боролись отдѣльныя семьи и лица. Съ одной стороны, столкнулись изъ-за власти и сана вѣрные слуги только что усопшаго господина и старые другъ другу пріятели, умѣвшіе много лѣтъ въ согласіи дѣлать милости и ласку своего общаго хозяина и родственника, московскаго государя. А съ другой стороны, ничтожный, хотя и умный, авантюристъ и смутьянъ, какимъ былъ Бѣльскій, такъ много обязанный Годунову, слышавъ о смерти нелюбимаго его царя Теодора, явился въ столицу съ толпою челяди, готовый при случаѣ погубить своего благодѣтеля и захватить власть въ свою пользу. Поставленный лицомъ къ лицу съ такими противниками, Годуновъ не могъ, не роняя достоинства своей власти и не вреда самому себѣ, мстить имъ за то, что они не хотѣли его избранія или могли быть сами избраны вмѣсто него. Противъ старыхъ бояръ можно было бы воскресить забытый терроръ въ интересахъ якобы государственнаго порядка; противъ партій была бы возможна открытая борьба; а противъ отдѣльныхъ лицъ и семей была возможна

¹⁾ С. Г. Г. и Д. II, № 82, стр. 181. — Русск. Ист. Библ. XIII, стр. 890; смъ С. Платоновъ, Древнерусскія сказанія и повѣсти и т. д., стр. 280. — В. О. Ключевскій въ Русской Мысли, 1892, январь, стр. 146. — А. Э. II, стр. 16 и 61. — С. Платоновъ, о. с., стр. 148—149. Присяга Борису съ проклятіемъ на тѣхъ, кто ей измѣнитъ, очень долго тревожила московское общество: въ 1607 году патр. Іова просили разрѣшить отъ нея смущенна души московскаго населенія (А. Э. II, № 67, стр. 159).

одна низкая мѣсть. Годуновъ не уронилъ себя до того, чтобы тотчасъ на нее рѣшиться, но не былъ въ состояніи и совѣмъ отъ нея отказаться. Онъ ждалъ случая, который бы помогъ ему предъявить къ Романовымъ и Бѣльскому какое либо серьезное обвиненіе, и, дождавшись, не пощадилъ ихъ. Мы не знаемъ, были ли они на самомъ дѣлѣ виноваты въ томъ, въ чемъ ихъ обвинили гласно и въ чемъ тайно заподозрили, но можемъ не сомнѣваться относительно того, что они были дѣйствительно враждебны Годунову и что, ссылая ихъ, Борисъ раздѣлывался съ виднѣйшими представителями оппозиціи, работавшей противъ него и до и послѣ его избранія.

Очень темно это дѣло (мы думаемъ, что это было одно дѣло) о ссылкѣ Бѣльскаго и Романовыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объ отставкѣ Василя Щелкалова. Всѣ опалы и розыски послѣдовали, кажется, одновременно—въ старомъ 7109 году. Но предлоги для обвиненія этихъ лицъ были взяты разные. Бѣльскій пострадалъ по тому поводу, что неосторожно держалъ себя въ построенномъ имъ по порученію Бориса городѣ Царевѣ-Борисовѣ. Назначеніемъ этого городка была защита бродовъ на Сѣв. Донцѣ, близъ р. Оскола. Здѣсь былъ предѣльный пунктъ, котораго достигло тогда на югѣ московское правительство, и самое назначеніе Бѣльскаго на далекій югъ, въ дикое поле, было уже своего рода ссылкой, только безъ явной опалы. Но Бѣльскій не смущался этимъ. Онъ началъ работы своимъ „дворомъ“ и велѣлъ всей рати дѣлать „съ того образца“. Его „дворъ“, люди и холопы, опять были на виду въ Царевѣ-Борисовѣ, какъ ранѣе въ 1598 году были они на виду въ Москвѣ, куда Бѣльскій привелъ „великій людъ“ свой на царское избраніе. А кромѣ того возбуждала подозрѣніе та привѣтливость, съ какою Бѣльскій относился ко всей „ратѣ“, посланной съ нимъ въ новый городъ. Онъ ее поилъ, кормилъ, давалъ ей деньги, платье и запасы. Его, конечно, славословили, а онъ, по слухамъ, величался, говоря, что царь Борисъ на Москвѣ царь, а онъ царь въ Царевѣ-Борисовѣ. Такъ по крайней мѣрѣ было донесено Борису. Въ Борисѣ, по словамъ Тимоеева, уже было готово подозрѣніе противъ Бѣльскаго, что онъ желаетъ царства; поэтому Борисъ далъ вѣру доносу. Бѣльскаго схватили, лишили сана, „изринули отъ среды синклитства“, конфисковали его имущество, распустили его дворъ, какъ это всегда бывало при опалахъ, и, наконецъ, подвергли „поворной казни“, какою казнили „по градомъ“ злодѣевъ и разбойниковъ, то есть тѣлесному наказанію. Унизивъ такъ „желателя царства“, Борисъ сослалъ его въ Низовые города въ тюрьму.

Такого же рода подозрѣніе погубило и семью Романовыхъ. Хотя ни изъ чего нельзя заключить, чтобы правительство Бориса предъявило Никитичамъ обвиненіе именно въ томъ, что они хотѣли покуситься на власть царя Бориса, однако на такой характеръ подозрѣній противъ Романовыхъ указываетъ уже то обстоятельство, что старшаго брата изъ Никитичей, Ѳедора, Борися велѣлъ постричь въ монахи,—мѣра, которая дѣйствительно прочихъ лишала невольнаго постриженника возможности выступить на политическое поприще въ качествѣ претендента на власть и санъ. Съ другой стороны, даже въ официальныхъ сношеніяхъ негласно допускались намеки на политическія притязанія Романовыхъ. Такъ, одинъ изъ простоумныхъ приставовъ, бывшихъ при Романовыхъ, упоминалъ въ своемъ отчетѣ начальству, какъ онъ высказывалъ В. Романову, что они „злодѣи, измѣнники, хотѣли царство достати вѣдовствомъ и кореньемъ“. Задолго до разгрома Романовскаго двора, учрежденъ былъ надзоръ за братьями Романовыми и Борися вызывалъ и поощрялъ доносы, „доводы“, на нихъ: „всѣхъ доводчиковъ жаловаше больше—Ѳедоровыхъ людей Никитича Романова съ братьею“. По доносамъ дѣлали аресты, „имаху у нихъ людей многихъ“ и нѣкоторыхъ даже пытали. Но люди не вѣдали ничего „за своими государями“, пока не нашелся предатель Второй Никитинъ Бартенева. Онъ происходилъ изъ государевыхъ служилыхъ вотчинниковъ Бартенева, сидѣвшихъ гнѣздомъ въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда; съ государевой службы ушелъ онъ во дворъ Ѳедора Никитича, а затѣмъ сталъ казначеемъ у Александра Никитича. Этотъ боярскій холопъ, вѣроятно, желая возвратиться на государеву службу, средствомъ для этого избралъ доносъ. Онъ донесъ, какъ говорятъ, облыжно, что его „государь“ Александръ Никитичъ держитъ у себя „корень“ (это корень самъ Бартенева подложилъ будто бы въ хозяйскую казну). Корень нашли, Романовыхъ арестовали, допрашивали, даже приводили къ пыткѣ, и князя Ивана Черкаскаго съ ними. Родню Романовыхъ: Черкасскихъ, Сипкихъ, Репниныхъ, Шестунова, Карповыхъ, Шереметевыхъ также привлекли къ дѣлу. Допрашивали и пытали ихъ холоповъ. Образовался, словомъ, обширѣйшій розыскъ, для котораго пресловутое „корень“ послужило, очевидно, только точкою отправленія. Невозможно допустить чтобы одни волшебные корешки, безъ другихъ уликъ, послужили достаточнымъ основаніемъ для обвиненія цѣлаго родственнаго круга лицъ, принадлежавшихъ къ высшему слою служилаго класса, лицъ вліятельныхъ и популярныхъ, связанныхъ узами кровнаго родства съ

только что угасшею династіею, къ которой Борисъ исповѣдовалъ такую благоговѣйную преданность. Очевидно, что Годуновъ съ его думцами боярами доискался чего-то болѣе серьезнаго, чѣмъ корешки. Одни корешки въ казнѣ Александра Никитича не привели бы къ царской опалѣ все „племя“ виновнаго, какъ бы строго ни выдерживали свойственный тому времени принципъ групповой отвѣтственности. Происшедшее одновременно съ опалю Романовыхъ удаленіе В. Щелкалова, всегда близкаго къ племени Никиты Романовича, указываетъ на то, что предметомъ обвиненія служило не простое вѣдовство, а нѣчто болѣе сложное, выходившее за предѣлы личнаго или узко семейнаго проступка. На то же намекаетъ и инструкція, данная приставамъ, отправленнымъ съ осужденными „измѣнниками“ въ мѣста ихъ ссылки,—писать къ государю про *тайныя государевы дѣла*, что проявится отъ его государевыхъ злодѣевъ и измѣнниковъ. Не лишено значенія, что, по неоднократному свидѣтельству источниковъ, не столько самому Борису, сколько боярамъ его принадлежало первенство въ преслѣдованіи Романовскаго круга,—знакъ что дѣятельность этого круга, вѣнчанная въ преступленіе, трогала не одного Бориса: за вѣдовство врядъ ли бы кто сталъ особенно настаивать противъ Никитичей и искать ихъ головъ. А между тѣмъ, по Новому лѣтописцу, „бояре многіе на нихъ, аки звѣріе, пыхаху и кричаху“. Самъ Ѳедоръ Никитичъ въ ссылкѣ говорилъ: „бояре мнѣ великіе недруги: искали головъ нашихъ, а иные научали на насъ говорити людей нашихъ, а я самъ видалъ то не единожды“.—„Погибли мы напрасно, безъ вины, ко государю, въ наносѣ отъ своей же братьи“, говорилъ Василій Никитичъ: „а они на насъ наносили не узнавша, а и сами они помрутъ вскорѣ, прежде насъ“¹⁾. Врядъ ли здѣсь было проявленіе личной злобы и мести противъ Романовыхъ. Ни откуда нельзя заключить, чтобы у Романовыхъ была съ кѣмъ либо частная вражда или неприязнь; напротивъ уже тогда популярность Никиты Романова

¹⁾ *Костомаровъ*, Смутное время, изд. 1883 г. I, стр. 49—50.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 46—47.—Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 316—319.—Буссовъ, въ изд. *Устрялова*, стр. 28—29.—А. И. II, № 38, стр. 41, 39, 51 и др.—Ник. Лѣт., VIII, стр. 41—45.—Сборникъ Тр.-Серг. Лавры № 530, л. 46—47, и Писцовыя книги, изд. *Калачова*, I, стр. 63, 106 (о Бартечевыхъ).—О верстаніи холоповъ землею „за доводи“ см. Ник. Лѣт. VIII, стр. 41, и *Н. В. Сторожева*, Десятины (въ „Матеріалахъ для ист. русск. дворянства, I, М. 1891), стр. 89 и 91.—*Н. П. Лисаевъ*, Библіотека и архивъ Моск. государей, стр. 137.—Объ одновременной съ дѣломъ Романовыхъ опалѣ на Шереметевыхъ у *А. П. Барсукова*, Родъ Шереметевыхъ, т. II, глава IV.

и его рода была закрѣплена пѣснями про Грознаго царя. Только политическая рознь, по нашему мнѣнію, могла на Романовскій кругъ вооружить бояръ другого, въ данномъ случаѣ, Годуновскаго круга. Люди, связавшіе свои успѣхи съ господствомъ Бориса, могли бояться дѣятельности враждебныхъ Борису или далекихъ отъ него бояръ, въ томъ числѣ и братьевъ Никитичей, такъ какъ было извѣстно, что очень и очень многіе бояре не примирились съ воцареніемъ Бориса.

Но чего именно можно было бояться въ данное время? Возстанія противъ царя Бориса? Но во имя кого могло быть поднято возстаніе? Ни одно лицо въ Московскомъ государствѣ, послѣ собора 1598 года и церковныхъ торжествъ вѣнчанія новаго царя, не могло надѣяться, чтобы присяга, Борису данная такъ недавно и съ такою торжественностью, была нарушена въ пользу новаго искателя власти. Возстановить народныя массы противъ Бориса было бы очень нелегко, такъ какъ популярность Бориса еще не была подорвана, и всякая попытка открытаго возмущенія безусловно обрекалась на неудачу. Но возможна была интрига. Какаѣ?

Нѣкоторый, хотя и не вполне ясный, отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ документы, относящіеся къ позднѣйшимъ годамъ. Въ 1605 году правительство Бориса, объявляя народу о войнѣ съ самозванцемъ, называло самозванца Гришкою Отрепьевымъ и указывало между прочимъ на то, что Гришка „жилъ у Романовыхъ во дворѣ“. Въ 1606—1607 гг. посольство царя Василя Шуйскаго официально заявляло въ Польшѣ о Гришкѣ, что онъ „былъ въ холопехъ у бояръ у Никитичихъ дѣтей Романовича и у князя Бориса Черкаскаго и, заворовався, постригся въ чернцы“. Какъ бы повторяя эти правительственные указанія, одно изъ частныхъ сказаній присоединяетъ къ нимъ интереснѣйшую подробность. О томъ, что Гришка „утаялся“ отъ царя Бориса въ монастырь и постригся, оно рассказываетъ въ прямой связи съ дѣломъ Романовыхъ и Черкаскихъ и прибавляетъ, что Гришка „ко князю Борису Келбулатовичу (Черкаскому) въ его богатый домъ часто приходилъ и отъ князя Ивана Борисовича честь пріобрѣталъ, и тоя ради вины на него царь Борисъ негодова“. Дѣйствительно, по „дѣлу о ссылкѣ Романовыхъ“ и по Новому лѣтописцу видно, что князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій былъ въ числѣ наиболѣе заподозрѣнныхъ, и сношенія съ нимъ Гришки могли навлечь на послѣдняго „негодованіе“ Бориса. Съ другой стороны, когда самозванецъ явился въ Польско-Литовскомъ государствѣ и тамъ заговорили о его чудесномъ спасеніи, то молва, всюду расшедшаяся отъ

самого самозванца, приписывала между прочимъ заслугу его сохраненія Б. Бѣльскому и Щелкаловымъ. Справедливость этой молвы самозванецъ какъ бы подтвердилъ по своему воцареніи, осыпавъ милостями весь тотъ кругъ лицъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь. Изъ уцѣлѣвшихъ братьевъ Никитичей Феодоръ-Филаретъ сталъ митрополитомъ, а Иванъ бояриномъ. Бѣльскому также сказано было боярство, а В. Щелкаловъ былъ пожалованъ въ окольничіе. Является какъ будто возможность связать появленіе самозванца и дѣятельность Гришки Отрепьева съ опалами на Бѣльскаго, Романовыхъ и Щелкалова. Эта возможность представляется еще вѣрнѣе отъ того, что первые слухи о появленіи самозванца народились въ Москвѣ какъ разъ въ пору розыска о Романовыхъ, а немногимъ позже и самъ самозванецъ явился за литовскимъ рубежомъ, гдѣ его знаютъ уже въ 1601 году. Въ свое время Н. Вицынъ соблазнился такою возможностью и высказалъ мнѣніе, что нельзя сомнѣваться „въ существованіи полной солидарности боярской крамолы съ слухами о живомъ царевичѣ“. Признаемся, что и намъ эта солидарность кажется болѣе чѣмъ вѣроятною, хотя нельзя не сознаться и въ томъ, что въ разбираемомъ дѣлѣ далеко не все съ такой точки зрѣнія становится яснымъ. Почему, если Романовы причастны были къ дѣлу подготовки самозванца, ихъ обвиняли не въ этомъ, а въ томъ, что они хотѣли себѣ „достать царство“? Возможнаго изъ ихъ среды претендента на царскій престолъ, Федора Никитича, поспѣшили постричь въ монашество и держали въ заточеніи до самой смерти Бориса, а нѣкоторыхъ другихъ виновныхъ, даже того кн. Ив. Б. Черкаскаго, который по преданію жаловалъ Отрепьева, нашли возможнымъ скоро возвратити изъ ссылки; изъ этого можно заключить, что обвиненіе въ желаніи достать царство старшему Романову не было вымысломъ, за которымъ Борисъ желалъ скрыть дѣйствительное обвиненіе въ подготовкѣ самозванца. Съ другой стороны, если даже считать доказаннымъ, что опала Романовыхъ и всѣхъ другихъ была слѣдствіемъ ихъ сношеній съ знаменитымъ Отрепьевымъ, то предстоитъ еще выяснити отношеніе Гришки къ тому, кто взялъ на себя имя Димитрія, прежде чѣмъ опредѣлять, въ чемъ тутъ заключались преступныя, съ точки зрѣнія Бориса, дѣйствія Никитичей и ихъ друзей ¹⁾).

¹⁾ А. Э. II, № 28, стр. 78.—С. Г. Г. и Д. II, № 152, стр. 322, и *Баттисш-Валенскій въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др.*, 1861, I, стр. 44.—Сказаніе, еже содѣяся, и пр. въ *Чтеніяхъ М. О. И. и Др.*, 1846—1847, IX, стр. 8—4.—*Щер*

Мы не имѣемъ надежды ни распутать, ни даже разрубить этотъ таинственный Гордіевъ узелъ и считаемъ себя не столь счастливыми, какъ тѣ изслѣдователи, для которыхъ все ясно въ исторіи ложнаго Дмитрія. Но изложенныя выше замѣчанія ведутъ насъ къ нѣкоторымъ цѣннымъ и важнымъ выводамъ.

Изъ обстоятельствъ воцаренія Бориса и послѣдующихъ его столкновений съ боярствомъ мы видѣли, кто сталъ противъ него въ борьбѣ за царскую власть. Послѣ того, какъ князья Шуйскіе и Мстиславскіе потерпѣли неудачу въ дворцовой борьбѣ съ Годуновымъ еще въ первое время его правленія, московская титулованная знать окончательно потеряла свою вѣковую позицію при московскомъ дворѣ. Сокрушенная опричниною и Годуновскимъ режимомъ, она не выставила въ 1598 году ни одного сколько нибудь серьезнаго претендента на царскій вѣнецъ. Первое мѣсто въ государствѣ въ ту минуту принадлежало новой царской роднѣ не-княжескаго происхожденія и ея дворцовымъ друзьямъ. Эта родня царей Иоанна и Феодора стала теперь тянуться къ трону. Составляя при царѣ Феодорѣ одинъ кружокъ, направленный противъ старой родовой знати, дворцовая знать позднѣйшаго происхожденія перессорилась между собою, когда пришло время наследовать послѣднему царю. Сперва изверженъ былъ изъ кружка А. Щелкаловъ, затѣмъ въ 1600—1601 году опала постигла остальныхъ. Борисъ однимъ ударомъ разорвалъ съ тѣми, кто содѣйствовалъ его возвышенію. На это были серьезныя причины: Романовы, очевидно, не мирились съ воцареніемъ Бориса и увлекали за собою въ оппозицію и другія семьи. Въ нѣдрахъ этой оппозиціи, по всей видимости, зрѣла и мысль о самозванцѣ; но мы совѣмъ не можемъ догадаться, какія формы она принимала. Преслѣдуя своихъ бывшихъ друзей, Борисъ разгромилъ боярскій кружокъ, къ которому

бачковъ, Ист. Росс., XIII, стр. 211, и *Костомаровъ*, Кто былъ первый Лжедмитрій, стр. 41 и 48.—Второй самозванецъ также называлъ, въ числѣ своихъ спасителей отъ руки Бориса, Бѣльскаго и В. Щелкалова (*Бутурлина*, Ист. смутн. времени, т. II, Приложение, стр. 49).—Маржеретъ (въ изд. *Устрелова*, стр. 309) намекаетъ, что и Романовы могли спасти царевича отъ покушеній.—О раннемъ появленіи самозванца см. у Маржерета (стр. 292), Массы (стр. 75) и въ нѣмецкой запискѣ (наданной въ X-мъ вып. „Лѣтописи Занятій Археогр. Комм.“, стр. 46—47); ср. *Костомарова*, о. с. стр. 20, и В. С. *Иконникова*, Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени. К. 1889, стр. 72.—Н. *Бицинь* (*Н. М. Павловъ*), Правда о Лжедмитріѣ (въ *Русск. Архивъ* 1886, II) стр. 532.

самъ когда-то принадлежалъ, и остался въ сущности одинокимъ среди московскаго боярства. Кромѣ его родни, ближайшихъ къ нему вѣтвей потомства Мурзы-Чета, у него теперь не было друзей. А тайные враги, разумѣется, были. Къ нимъ принадлежали между прочимъ до поры до времени сдержанные и покорные князья Шуйскіе, по родословцу „старѣйшая братья“ въ родѣ Александра Невскаго, и князья Голицыны, ведшіе себя отъ Гедимина и по молодости своей не имѣвшіе значенія въ пору возвышенія и правленія Годунова. Эти двѣ княжескія фамиліи, стоявшія въ тѣни въ изложенный нами періодъ, выступили впередъ позже, съ успѣхами Самозванца и, ставъ во главѣ вторичной, позднѣйшей оппозиціи Годуновымъ, воскресили на время преданія московскихъ княжатъ. Но это случилось уже въ послѣдующій моментъ смуты.

С. Платоновъ.